

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-1.1>

Акопова Юлия Алексеевна

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ: ИНТУИЦИИ О ЧЕЛОВЕКЕ

В статье соотносятся художественно-философские интуиции о человеке Андрея Белого и Павла Флоренского. Возможность сопоставительного анализа обусловлена духовной близостью писателя и философа, их личным общением. Концепции Белого и Флоренского важны для выявления траектории духовных поисков рубежа XIX-XX веков и формирования современной модели личности. Символист Андрей Белый и философ-космист Павел Флоренский воплощают в своем "жизнетворчестве" антропокосмическую модель человека, расширяющую границы его возможностей. Именно "космический" человек может преодолеть онтологическую "порчу" мира и вернуться к "неповрежденной" "эдемской" реальности. В этом заключается суть антроподицеи. Цель символистского творчества - указать путь человечеству к духовному вознесению.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/10-1/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 10(88). Ч. 1. С. 9-12. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.09

Дата поступления рукописи: 07.07.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-1.1>

В статье соотносятся художественно-философские интуиции о человеке Андрея Белого и Павла Флоренского. Возможность сопоставительного анализа обусловлена духовной близостью писателя и философа, их личным общением. Концепции Белого и Флоренского важны для выявления траектории духовных поисков рубежа XIX-XX веков и формирования современной модели личности. Символист Андрей Белый и философ-космист Павел Флоренский воплощают в своем «жизнетворчестве» антропокосмическую модель человека, расширяющую границы его возможностей. Именно «космический» человек может преодолеть онтологическую «порчу» мира и вернуться к «неповрежденной» «эдемской» реальности. В этом заключается суть антроподицеи. Цель символистского творчества – указать путь человечеству к духовному вознесению.

Ключевые слова и фразы: символизм; антропокосмизм; житнетворчество; трансценденция; антропософия; антроподицея; Андрей Белый; Павел Флоренский.

Акопова Юлия Алексеевна, к. филол. н.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

yuaa@mail.ru

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ: ИНТУИЦИИ О ЧЕЛОВЕКЕ

Духовная близость Андрея Белого и Павла Флоренского обусловлена, прежде всего, их принадлежностью к философскому крылу русского символизма. «Я всегда был символистом» [9], – писал П. Флоренский, подразумевая под словом «символизм» и способ философствования, и символистское направление в литературе. Главная тема диалогов Белого и Флоренского («воплощение Вечности путем преобразования воскресшей личности» [4, с. 253]) нашла отражение в их переписке, отзывах о произведениях друг друга, критических статьях о сущности символизма как нового «гениального» метода познания мира и человека, воспоминаниях.

Интуиции о человеке Белого и Флоренского поражают своей смелостью, их личный опыт самопознания – всеохватностью. В данной статье мы коснемся лишь некоторых аспектов концепции человека в философии «космизма» Павла Флоренского и «мистическом» творчестве Андрея Белого.

С 1899 г. Белый и Флоренский учились в Московском университете, на физико-математическом факультете. Однако занятия точными науками не сделали их позитивистами, напротив, и Белый, и Флоренский пытались соединить опытное знание с мистической интуицией, доказывая «ограниченность» научных методов в изучении и описании «душевных движений». Так, психологическая наука оказалась, по мнению Белого, «Химерой», поскольку с помощью психологических методов постигаются лишь «внешние материальные проявления» «необозримого океана» человеческой психики [3].

Описать многоэтажный «дом» – личность – возможно, по Белому, только с помощью художественных средств или неких точных «понятий». Белый обсуждал со своими единомышленниками перспективы создания новой науки – «палеонтологической» психологии, занимающейся описанием слоев «полусознания и подсознания, вписанных в наши психические привычки», как «ископаемых пластов» [2, с. 238].

Павел Флоренский, охарактеризовав познание в «реализме и рационализме» как «захват мертвого объекта хищным гносеологическим субъектом», призывает перейти в «сферу живого опыта», к познанию «сердечному» [13].

Размышляя о сложности человеческой психики, Белый и Флоренский приходят к необходимости различения в человеке «лика – лица – личины». основополагающая триада православия многократно осмыслилась в богословии, в русской культуре, в том числе в литературе и философии Серебряного века [7]. Проблема различения «лица» и «персоны» была поставлена в аналитической психологии К. Юнга и продолжает интенсивно разрабатываться в современной психологии.

Белый, вспоминая свое детство, подробно рассказывает о «прирастании» «личины» к «лику индивидуума», связывая этот процесс с особенностью детского восприятия – символизмом как «внутренней данностью детского сознания» [4, с. 420]. «Нерв» детских игр «в символизацию» – стремление утаить трепетные движения детской души от вторжения взрослых. Белый пишет, что по этой причине он стал с четырех-пяти лет «эсотериком» и «символистом»: «на мне росли мины и маски», «личности – личины» (первая – Боренька Бугаев), из которых «ни одна не была “Я”» [Там же]. Осознав в дальнейшем «формулу отличия личности от индивидуума, а души рассуждающей от души самосознающей», Белый продолжал создавать новые

личины и маски («Борис Николаевич», «Андрей Белый», «Унзер Фрейнд»). Он считал, что истинное «Я» невозможно выразить «по прямой линии», и нет никакой необходимости срывать с себя маски-личины, тем самым «разрывая» личность. Верность индивидуума самому себе, по мнению Белого, – в «гармонизации течения “личностей” в круге, в “режиссуре” своего многослойного “Я”» [Там же].

Павел Флоренский в соответствии с христианской традицией определяет лик как «осуществленное в лице подобие Божие». Человеческое лицо, по Флоренскому, «сырая натура», в которой «прикровенно» присутствует «потенция», могущая явить истинную «духовную сущность» личности.

«Лицо», по Флоренскому, становится «личиной», «обманом», «мистическим самозванством». Человек, надев маску, «отщепляется» от своего «существенного ядра» [11], лишает себя возможности созерцать образ Божий.

Несмотря на разность трактовок ряда понятий, Белый и Флоренский едины в утверждении возможности и необходимости стремления человека к самосознанию и самосовершенствованию: «земной» биографии личности должна сопутствовать биография духовная.

Сложное «строение» человеческой души свидетельствует о том, что человек находится на «границе» между мирами, способен переходить ее, «путешествуя» из состояния бессознательного в состояние осознанного бытия. Человек «разомкнут» в бытие и сущее, способен из мира реального «выворачиваться» и «возвращаться» в Космос, Вечность.

Мирозерцание Белого и Флоренского – сложнейший сплав различных концепций мира и человека (неоплатонизм, исихазм, христианство, теургия, антропософия, космизм...) – можно обозначить термином «антропокосмизм» [15, с. 335], который «снимает» противостояние во взглядах на человека, позиционируемых антропоцентризмом, теоцентризмом и космоцентризмом. Атропокосмизм утверждает гармоническое единство человека и Вселенной.

Интуиции Белого и Флоренского нашли продолжение в современных теориях, проектирующих модель человека XXI века [16].

Антропокосмический подход к феномену личности, в терминологии С. Хоружего – «энергичный», означает, что «человек – в своих обычных практиках ограниченный горизонтом своего существования, замкнутый в этом горизонте, – оказывается открыт, разомкнут навстречу Иному: неким образом осуществляет *размыкание себя*» [17].

Представителей культуры Серебряного века, при всей их личностной и творческой уникальности, объединял особый способ жизни – «жизнетворчество», – подразумевающий одержимость какой-либо идеей и ее воплощение в собственной судьбе. Одна из идей, которой были «одержимы» поэт и философ, – «размыкание» границ человеческих возможностей.

Как признается Флоренский в ряде своих стихотворений, Андрей Белый, который называл себя «сыном эфира» [6, т. 1, с. 241], увлек его «священным огнем» [8] идеи проникновения человека в Софийный Космос, «полета в Эфир» [Там же].

Белый и Флоренский – личности экстатического типа, способные к трансцендированию.

Одним из этапов становления «самосознающей души» для Белого-антропософа является медитирование. Белый запечатлевает личный опыт медитаций, символы своих «духовных узваний» в воспоминаниях, статьях, в художественных текстах, в рисунках [1].

Так, в статье «Кризис культуры» Белый описывает измененное состояние сознания, в котором ему привиделся особый «знак»: «...треугольник из молний, поставленный на светлейший кристалл, рассылающий космосы блеска: и “око” – внутри» [2, с. 285]. «Знак», восходящий к египетскому иероглифу, – символ сущностного света, исходящего из солнечного ока.

«Выходы» во «второе пространство», «пульсации стихийного тела» переживают многие персонажи «Петербурга», погруженные в «эфмерную» повседневность [6, т. 2, с. 42]. Так, «собственным бытием» обладает «мысль в сознании» [Там же, с. 43] сенатора Аполлона Аполлоновича, который, засыпая, «получал впечатление», будто у него «раскрывается вдруг темя – в неизмеримость» [Там же, с. 98].

В «далекое астральное путешествие», в «космическую безмерность» отправляется и его сын, Николай Аполлонович, задремавший над бомбой-сардинницей [Там же, с. 167].

Для Флоренского подлинным опытом трансценденции является опыт христианский. Человек, по Флоренскому, находится на «границе» соприкосновения двух миров – видимого и невидимого, и в нем самом «жизнь в видимом чередуется с жизнью в невидимом». Благостными моментами человеческой жизни является мгновения соприкосновения этих миров. В этот миг «созерцается самое это прикосновение», «веет незримое, нездешнее дуновение: тот и другой мир растворяются друг в друге, и жизнь наша приходит в сплошное струение» [11].

В январе 1914 года после церковной службы Флоренский записал свои впечатления о том, как «ветер благодати» вознес его душу ввысь, «в иной мир», к Свету: «С этого момента я перестаю быть, как все и со всеми, и делаюсь иным, и пребываю в ином месте...» [14, с. 451]. Это и есть, по Флоренскому, высшая цель трансценденции.

В рецензии на сборник стихотворений Андрея Белого «Золото в лазури» Флоренский заметил, что в моменты мистических видений, когда через «конкретное» «видно иное», открываются символы «светоносного», «лучезарного» преображенного мира, противостоящего «хаотическому морю» реальности, «неврастеническому» человеческому «стаду»: «готические кружевные соборы», «пестрота цветов» [10, с. 62-67].

У философа и писателя общее мистическое «задание» – поиск пути излечения «здешнего» бытия от онтологической порчи, следствием которой стало разрушение гармонического символического строения реальности. Каков же этот путь?

«Жизнетворчество» для символиста – воплощение в личной судьбе некой мифологемы (В. Соловьев, А. Блок, А. Белый, Вяч. Иванов, И. Анненский).

По мнению С. Хоружего, известного исследователя философского наследия Павла Флоренского, главной мифологемой в духовной биографии философа является «мифологема Эдема» [16, с. 104]. «Воссозданию» «первозданного утраченного и вновь обретенного рая» [Там же] посвящен главный труд Флоренского «Столп и утверждение Истины».

В понимании Флоренского «первозданным Эдемом» является детство. Детский мир – это совершенный образ мира («крайское бытие», «небесная земля», «островной рай»). Вспоминая свое детство, философ приходит к выводу о том, что знание жизни, религиозно-философские взгляды были «предобразованы в опыте самом раннем», в «интуициях детства», «чуждых рациональности» [9]. Детское «эдемское» восприятие мира – особый тип мирозерцания, одухотворенное, одушевленное, «углубленное вчувствование» в жизнь. Именно в детстве человек получает яркий и глубокий опыт чувственного восприятия, в котором совершается непосредственное соприкосновение человека с природой. Флоренский пишет о том, что особую связь в детстве он ощущал с самой «космической» стихией – морем, «живым и таинственным существом», «родимой, одинокой, таинственной и бесконечной Вечностью – из которой все течет и в которую все возвращается» [Там же].

«Эстетическое», «мистическое», «экстатически приподнятое» детское восприятие, по Флоренскому, «преодолеывает раздробленность мира изнутри» [Там же].

О возвращении в Эдем грезит и уникальный персонаж Андрея Белого – магистрант Хандриков (симфония «Возврат»).

Живую пластическую картину детского образа бытия рисует Андрей Белый в «эдемском» сне Хандрикова, в котором он видит себя ребенком с «синими искорками» в глазах, играющим на берегу моря с «бархатным песочком» и «перламутровой раковиной» [5, с. 194].

Ребенок чутко реагирует на все «энергичные» движения, происходящие вокруг: взаимодействие движения и покоя, света и тьмы, добра и зла. Ему одновременно «грустно и весело», его охватывает восторг от «сияющей» красоты мира и волосы встают над головой от «неведомого ужаса», потому что он слышит зов, «по временам возникающий из Вечности» [Там же, с. 197], он предчувствует грядущие испытания.

И у Флоренского, и у Белого Детский рай утрачивается, трансформируется в мир «падший».

Флоренский остро переживает состояние «падшести» мира, «всегдашнюю осень» и «мертвенную бездну» «здешней» жизни, где человеческие отношения есть «болото относительности и условности», где «все мятется, все зыблется в миражных очертаниях» [14].

Именно в такой мир однажды «выворачивается» Хандриков, персонаж Белого. Хандриков – «призрачный» человек, который «болен» мыслью о своем ничтожестве, – испытывает отвращение к себе, своей жене, Софье Чижиковне, ему неприятен собственный ребенок «с капризным, дряблым личиком», «презренные» коллеги по работе.

Хандрикову «страшно и одиноко» в «незнакомых» пространствах – средоточии суетности, мелкого бесовства и пошлости. «Падшее» состояние общества олицетворяют доцент Ценх с «мертвенным лицом» – «маской» и «волчьей бородкой» и «маститый» профессор с «говорящей» фамилией Трупов...

Однако, в отличие от «мертвых» персонажей, погрязших в мелких повседневных интрижках и заботах о своем имидже, магистрант Хандриков постоянно слышит «сигналы, подаваемые Вечностью». Находясь на границе двух миров, герой «сквозь призрачную видимость» созерцает «вселенную». И «вещим предчувствием» «смущается» его душа: «Уже не раз я сидел вот так, созерцая многочисленные отражения свои. И в скором времени опять их увижу» [5, с. 220].

В Хандрикове, обросшем бородой, но «похожем на ребенка» [Там же, с. 215], живет трепетная душа младенца и детская вера в возможность «вечного возвращения», «возврата» к «эдемскому» идеалу «естественности»: «Каждая вселенная заключает в себе Хандрикова... А во времени уже не раз повторялся этот Хандриков» [Там же, с. 220].

В философии Флоренского «пограничные» миры – «потусторонний» и «здешний» – сосуществуют. Больше того, между ними осуществляется мистическая связь через особые «проходы»: мистический экстаз, тайновидение, сон, смерть. Именно в эти моменты возможен «...переход от поверхности действительной к поверхности мнимой», который происходит «через разлом пространства и выворачивание тела через самого себя» [12, с. 51].

В симфонии Белого «Возврат» «проходом» между двумя мирами являются сон, безумие и смерть. Ребенок Хандриков попадает в «здешний» мир, «опрокидываясь» в реальность из сна сквозь черную дыру морского грота. Как же «вывернуться» обратно из «реальности» в Эдем – «сакральное» пространство, тем самым защитив самого себя от ужаса повседневной жизни? Белый находит для своего героя единственный выход – это безумие: Хандриков убегает от мира «сквозь Вечность в Орловку в санаторию для душевнобольных» [5, с. 238].

С «земной» рациональной точки зрения на человека – это выход трагический, но с точки зрения «космической» он свидетельствует, по Белому, скорее о пластичности психики, позволяющей стать на иную, не доступную другим точку зрения по отношению к миру, «опрокинуться» в мир иной.

Первая и последняя главы симфонии (сон Хандрикова и его жизнь в санатории) по контрасту с мрачно-серой «реальной» частью окрашены в удивительно нежные красочные тона. Увидев в озере «успокоенную бесконечность» и вместо своего отражения глядевшего на него ребенка, Хандриков думает: «Вот я опрокинусь и буду там, за границей» [Там же, с. 248]. Ведь для него это единственный способ вернуться «в ликующую Вечность».

Хандриков бросается в озеро и возвращается ребенком в Иной мир: «Много раз венчал тебя страданием – его жгучими огнями. И вот впервые возлагаю на тебя эти звезды серебра. Вот пришел, и не закатишься. Здравствуй, о мое беззакатное дитя...» [Там же, с. 251].

Андрей Белый и Павел Флоренский, намечая пути к исцеляющему «возврату» к «неповрежденной «эдемской» реальности, утверждают возможность такого возврата. В этом суть антроподицеи Белого и Флоренского.

Творчество Белого и Флоренского являет особый тип гуманитарного мышления, интегрирующий литературу, философию, публицистику, устремленный к созданию целостной модели мира и человека. Антропокосмическая концепция личности Белого и Флоренского актуальна для современной гуманитаристики, животрепещущей проблемой которой остается проблема духовной эволюции человека.

Список источников

1. **Андрей Белый: автобиографизм и биографические практики** [Электронный ресурс]: сборник статей. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=577736&p=1> (дата обращения: 25.06.2018).
2. **Белый А.** Воспоминания: в 3-х кн. М.: Художественная литература, 1989. Кн. 1. На рубеже двух столетий. 543 с.
3. **Белый А.** О границах психологии [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_04_1904_simvolizm.shtml (дата обращения: 01.07.2018).
4. **Белый А.** Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 528 с.
5. **Белый А.** Симфонии. Л.: Художественная литература, 1990. 528 с.
6. **Белый А.** Сочинения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. 703 с.; Т. 2. 671 с.
7. **Сямина О. В.** Категории «лик / лицо / личина (маска)» в культурологии П. А. Флоренского: дисс. ... к культурологии. СПб., 2006. 148 с.
8. **Флоренский П. А.** Андрею Белому [Электронный ресурс]. URL: <http://rvb.ru/20vek/silver-age/1900-e/05/036-pavel-florensky.html> (дата обращения: 02.07.2018).
9. **Флоренский П. А.** Детям моим. Воспоминания прошлых лет [Электронный ресурс]. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/2434> (дата обращения: 02.07.2018).
10. **Флоренский П. А.** «Золото в лазури» Андрея Белого: критическая статья. Лето 1904 г. // Контекст-1991. Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1991. С. 62-67.
11. **Флоренский П. А.** Иконостас [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/florensky/ikonost.html> (дата обращения: 01.07.2018).
12. **Флоренский П. А.** Мнимости в геометрии. М.: Лазурь, 1991. 96 с.
13. **Флоренский П. А.** Столп и утверждение Истины [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/stolp_i_utverzhdenie (дата обращения: 03.07.2018).
14. **Флоренский П. А.** Философия культа (опыт православной антроподицеи). М.: Мысль, 2004. 684 с.
15. **Холодный Н. Г.** Мысли натуралиста о природе и человеке // Русский космизм: антология философской мысли / сост. С. Г. Семенов, А. Г. Гачевой. М.: Педагогика-пресс, 1993. С. 332-344.
16. **Хоружий С. С.** После перерыва. Пути русской философии. СПб.: Алетейя, 1994. 448 с.
17. **Хоружий С. С.** Практика себя: разговор с Татьяной Иенсен 3 октября 2000 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://synergia-isa.ru/lib/download/prop/2.doc> (дата обращения: 03.07.2018).

ANDREI BELY AND PAVEL FLORENSKY: INTUITIONS ABOUT A MAN

Akopova Yuliya Alekseevna, Ph. D. in Philology
Rostov State University of Economics
yuyay@mail.ru

The article correlates artistic and philosophical intuitions about a man by Andrei Bely and Pavel Florensky. The possibility of the comparative analysis is conditioned by the spiritual closeness of the writer and the philosopher, their personal communication. The conceptions by Bely and Florensky are important for revealing the trajectory of spiritual searches at the turn of the XIX-XX centuries and the formation of a modern personality model. The symbolist Andrei Bely and the philosopher-cosmist Pavel Florensky embody the anthropocosmic model of a man expanding the limits of his capabilities in their “life and creativity”. It is the “cosmic” person, who can overcome the ontological “spoilage” of the world and return to the “undamaged” “Eden” reality. This is the essence of anthropodicy. The goal of symbolic creativity is to point the way for spiritual ascension to the humanity.

Key words and phrases: symbolism; anthropocosmism; life and creativity; transcendence; anthroposophy; anthropodicy; Andrei Bely; Pavel Florensky.